

Е. И. КУКУШКИНА

Насонова Л. И.

ДУХОВНОЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

М.: Росс, филос. об-во, 1995. 291 с.

Радикальные изменения в характере духовной жизни современного общества, обусловленные коренными сдвигами в экономике и социальной структуре, такие, как резкое снижение статуса многих культурных институтов, имели следствием выход в сферу особого внимания философии и философской культурологии тех пластов сознания, общественные функции и содержательные характеристики которых никогда не рассматривались как проблемные. Фиаско, которое потерпела претензия высших уровней общественного сознания на мировоззренческую и методологическую монополию, позволило обратить внимание на альтернативные сферы сознания, иные по ценностным установкам, по способам их реализации, по функциям; сферы, в которых предполагалась возможность решения проблемы рационализации жизнедеятельности человека, так и не решенной теоретическим сознанием в какой бы то ни было форме за всю историю теоретической и методологической культуры.

Подобной сферой общественного сознания, естественно, спонтанно создаваемой обществом для духовной самореализации, духовного обитания отдельного человека, личности, и поддерживаемой непрестанной деятельностью личности, выступает обыденное сознание. Именно в этой сфере любая личность может реализовать тот потенциал свободы, который объективно содержит в себе общественная система в целом. Именно поэтому монография, посвященная социально-гносеологическому исследованию обыденного сознания как культурного феномена, носит название «Духовное жизнетворчество личности». Обыденное сознание в ней рассматривается как знание, познание и в то же время как явление общественной жизни, обладающее отнесенностью к определенному социальному субъекту конкретными социальными функциями, структурными и динамически-

ми характеристиками, присущими тому обществу и той эпохе, которые и порождают это сознание.

Интерес к обыденному сознанию в нашей стране коренится в идеализации этой духовной сферы, не зараженной универсалистскими амбициями и тоталитарным бюрократизмом. Последнее обстоятельство имело причиной отношение государственно-идеологических институтов к обыденному сознанию как к примитивному и маловосприимчивому к прогрессивистским установкам в духе времени. Подобное отношение позволило обыденному сознанию приобрести характер «нейтральной полосы», «духовного заповедника», на территорию которого не проникают идеологические манипуляторы, позволило оставаться областью, в которой возможна реальная, глубинно-личностная деятельность человека по жизнеобеспечению, самосохранению и развитию самого себя как социального субъекта.

Исходным моментом рецензируемой монографии послужило положение, согласно которому поиск некоего теоретико-методологического абсолюта, то есть идеальной формы знания, которая якобы в силу своего совершенства по сравнению с другими формами призвана в конечном счете вытеснить их, заменив их собою, — есть чистая иллюзия, основанная на гипертрофированной оценке научного познания как элемента общечеловеческой культуры. В ходе исследования автор выявляет диалектику этого заблуждения, его преодоление самым тесным образом связано с утверждением идеи множественности видов бытия и сознания, которая становится содержанием главного принципа анализа любых процессов духовной деятельности.

Основополагающие принципы книги формулируются в главе I «Обыденное сознание: рациональность и творчество»; именно здесь излагается собственный авторский подход к теме, определяющий ее частные аспекты, освещаемые в остальных главах. Рассматривая обыденное сознание как историческое образование, функционирование и развитие которого детерминировано сложным комплексом социально-культурных факторов, Л. И. Насонова преследует цель выработать целостное представление

об обыденном сознании как особом ментальном явлении в системе жизнеобеспечения личности и общества. При рассмотрении проблемы в таком ракурсе, по мнению автора, нужно иметь в виду следующее: классическая социодетерминистская модель взаимодействия личности и общества предусматривала два взаимосвязанных процесса: социализацию личности и активную, осознанную деятельность личности по поддержанию и совершенствованию общества. Эта модель не исчерпала своих возможностей, однако она должна быть дополнена иной моделью, отражающей становление постиндустриального, информационного общества, в котором оба процесса начинают обособляться друг от друга, социальные структуры усложняются настолько, что активное участие личности в их работе оказывается нежелательным и ее не востребуемый творческий потенциал обращается вовнутрь. Этот процесс открывает себя во мнении о том, что каждый человек должен осуществить себя прежде всего в своей единственной, лишь ему принадлежащей жизни. Отсюда вся актуальность проблематики обыденного сознания и отношение к нему как к «вновь открытой» культурной ценности. Обыденное сознание — социокультурный феномен, имеющий длительную латентную историю, но выявивший собственное своеобразие и тенденцию к определению социального статуса сравнительно недавно. Возможно, обыденное сознание станет культурной системой, подобно тому, как это произошло с массовым сознанием. Возможно, универсальность обыденного сознания окажется препятствием для его структурного окостенения и оно сохранит процессуальную, деятельную природу, оставшись сферой свободного жизнетворчества личности.

Структура книги позволяет изложить авторскую концепцию логически ясно, доказательно, с соотнесением между собой многочисленных граней исследуемого объекта и аспектов анализа. Комплексный подход помог выработать нетривиальные приемы анализа функций обыденного сознания, специфики его активности, его структурных элементов и особенно места и роли неявного знания и мифологической компоненты. Удачно рас-

ставленные акценты способствовали выявлению особенностей обыденной рефлексии, уточнению отношений между обыденным сознанием и другими видами духовного освоения человеком действительности, между обыденным и массовым сознанием. При этом Л. И. Насонова постоянно имеет в виду некую глобальную цель своего поиска: уточнение выработанной на сегодня модели взаимоотношений между личностью и обществом.

Обыденное сознание получило в работе определение как сложнейшее духовное образование — единственное проявление «живого» сознания, по отношению к которому любой другой способ духовного освоения мира есть отчужденная от конкретного носителя социальность. Обладая неотчужденной активностью, оно выступает как непосредственное выражение социальности. Автор дает убедительную аргументацию положения, согласно которому обыденное сознание — не низшая, инертная и ущербная ступень сознания. К нему нужно подходить с какой-то иной меркой, чтобы увидеть, что его консервативность есть проявление не слабости, а силы, ибо именно благодаря этому своему качеству оно способно фиксировать явления, таящие в себе опасность для общества и человека. Выработать необходимые средства анализа обыденного сознания, отыскать ту мерку, которая обеспечит уточнение его структуры и особенностей его объективации в нормативно-ценностных образованиях, не только означает развитие теории обыденного сознания, но и служит более общей цели — уточнению творческой природы человека как деятельного существа. Так, в монографии приводятся убедительные доводы против понимания обыденного сознания как якобы лишенного логической основы. Здесь опять-таки необходимо найти способ различения внешних свойств этого феномена, его кажущейся алогичности и скрытых от поверхностного взгляда глубинных процессов интериоризации на уровне повседневности социальных норм. Если бы алогичность обыденного сознания была свойством реальным, оно, как справедливо утверждает автор, не могло бы выполнять свою главную функцию средства жизнеобеспечения личности.

К числу несомненных достоинств монографии следует отнести те ее разделы, в которых раскрываются значения базовых понятий. К ним автор возвращается вновь и вновь по мере включения в сферу анализа нового материала или новых аспектов. Этот прием позволяет выработать целостное и многостороннее представление о феномене обыденного сознания, обладающем социокультурной природой. Оно предстает перед нами, читателями, как сфера житнетворчества личности, постоянного воссоздания и развития ее субъективности (глава I. «Обыденное сознание: рациональность и творчество»), как хранилище глубинных основ духовной культуры, источник необходимых для развития общественного сознания альтернативных идей (глава II. «Миф и история в обыденном сознании»), как основа формирования базисных культурных ценностей и идеалов (глава III. «Обыденное сознание и базовые ценности культуры»), как сфера общения, в которой сосуществуют, реализуясь в разных слоях умственного действия, предметное значение и многогранный смысл (глава IV. «Значение, смысл, метафора»), как пространство функционирования естественного языка, где рождаются новообразования иной природы, вступающие затем во взаимодействие с нормой и нередко оказывающие воздействие на естественный язык — основное средство выражения содержания обыденного сознания (глава V. «Семиотика предметного мира человека»).

Оценивая стиль изложения, избранный автором, необходимо отметить, что его академичность позволяет выдвинуть на передний план позитивные результаты многолетней работы. Однако при этом сложность, оригинальность, полемическая заостренность формулируемых автором положений оказываются растворенными в глубинных слоях исследования и поэтому подчас доступными лишь специалистам.

В заключение отметим, что анализ обыденного сознания и связанных с ним процессов в данной монографии носит комплексный характер, что составляет одно из бесспорных достоинств работы. Л. И. Насонова справедливо считает, что объем и

уровень достигнутых представлений об обыденном сознании таковы, что настало время обобщений, настоятельно требуется их синтез. В той или иной мере это обстоятельство учитывается и другими исследователями. Однако анализ обыденного сознания на базе столь широкого историко-культурного материала и в оригинальной постановке ряда ключевых вопросов впервые осуществляется именно в книге Л. И. Насоновой. Монография «Духовное жизнетворчество личности» будет способствовать открытию значительно более широких перспектив в социальной гносеологии, возможности коренного изменения предмета социального познания, становлению новой отрасли философии — философской культурологии познания.